

ДРЕВНИЕ СОКРОВИЩА МОНГОЛИИ

В 1946 году Академия наук СССР отправила в Монгольскую народную республику первую палеонтологическую экспедицию.

Научным руководителем экспедиции был заслуженный деятель науки проф. Ю.А. Орлов, старшим сотрудником – проф. В.П. Громов, начальником раскопчного отряда – Я.М. Эглон. Начальником экспедиции был назначен я.

Что же привлекало советских ученых-палеонтологов в Монголии?

Эта страна лежит в самом центре азиатского материка и представляет собою высоко поднятый участок земной коры. Другие страны на протяжении веков часто погружались на дно моря, а Монголия – очень древняя суша.

135 миллионов лет назад на этой суше развивалась и процветала наземная жизнь. Когда-то здесь синели большие озера, в них впадали могучие реки. Климат был жаркий, тропический, растительность буйная. Огромные болота и травянистые степи окаймлялись дремучими лесами.

Эта богатая растительность доставляла обильную пищу множеству древних животных, населявших нашу Землю задолго до появления человека. Все новые их виды появлялись в смене поколений и расселялись с террито-

рии Монголии в другие страны: Индию, Северную Америку, Европу и даже Африку.

135 миллионов лет назад огромные болота и заболоченные леса покрывали монгольскую сушу, в глубоких озерах накапливались толстые слои гальки, песка и глины. В это время в болотах отложилось много остатков растений. Затем движения земной коры подняли и смяли эти слои, исполинские массы расплавленного гранита поднялись из глубин земли, обожгли и уплотнили слои глин, песков и гальки. Остатки растений превратились в уголь, и теперь эти угольные месторождения, разбросанные по всей Монголии, дают топливо стране.

В ту бурную пору в жизни земной коры сменило время покоя, когда монгольская суша представляла собою равнину с озерами и реками. В это время на Земле господствовали гигантские ящеры – динозавры. Они жили на суше, в воде и летали по воздуху. Птицы и млекопитающие животные распространились гораздо позднее ящеров и во время их владычества были еще слабыми и очень редкими.

Динозавры были очень разнообразны: среди них встречались, хищные и травоядные. Известны травоядные гиганты до 30 метров в длину и до 70 тонн весом. Суще-

ствовали страшные рогатые и шипоносные ящеры, покрытые тяжелым роговым панцирем. Хищные динозавры ходили на задних лапах, опираясь на сильный хвост; их чудовищные головы возвышались на девять метров над землей.

85 миллионов лет продолжалось господство ящеров, – до тех пор, пока новые изменения не произошли на поверхности Земли. Снова начали подниматься горы, извергаться потоки расплавленного базальта. Климат стал суше, на месте болот раскинулись степи, изменилась и растительность.

Исчезли мягкие водяные растения древних времен. Сухие травы и кустарники не могли служить пищей исполинским ящерам: у этих чудовищ были слабые зубы и нежные желудки. Травоядные гиганты стали исчезать, а с ними началось исчезновение и хищных ящеров: им тоже стало нечем питаться.

Организм млекопитающих животных был гораздо более совершенный. Во время расцвета ящеров млекопитающие существовали в виде маленьких животных, не более наших ежей и крыс. Теперь они смогли проявить все свои преимущества, наработанные веками естественного отбора, сменили ящеров, быстро расселились и дали огромное количество самых разнообразных животных форм.

Многие из этих животных были очень странного вида и

зачастую крупных размеров. В них были как бы смешаны черты разных современных животных. Хищники одновременно походили на волка, льва и гиену; травоядные – на слона, верблюда и быка вместе. Эти звери жили на Земле 55 миллионов лет, пока постепенно не изменились и не стали похожи на теперешних животных.

Миллион лет назад наступило новое всеобщее похолодание. Гигантские ледники постепенно покрыли Северную Азию, Европу, Северную Америку. В этот период на Земле и появился человек. Он стал быстро обгонять своих обезьяньих предков и постепенно, через труд и общественную организацию, научился мыслить, говорить и покорять себе природу.

За все эти миллионы протекших веков на поверхности монгольской суши накопилось много отложений песков и глин. Когда-то они осаждались в реках и озерах. Эти отложения красноцветных пород называются гобийскими и содержат в себе много скоплений окаменелых костей древних животных. Нередко встречаются целые гигантские скелеты динозавров или древних млекопитающих, груды стволов окаменелых деревьев – остатки когда-то росших здесь лесов. Добывая и изучая эти окаменелости, мы читаем историю нашей планеты. С этой точки зрения земли Монгольской народной республики представляются подлинной сокровищницей науки.

Советская палеонтологическая экспедиция должна была осмотреть те районы полупустыни Гоби, где встречаются кладбища ископаемых животных. Нужно было найти и исследовать такие местонахождения, которые бы убедительно доказали, как богата Монголия остатками ископаемых животных. Только такие скопления остатков могли бы оправдать высокой научной ценностью своих материалов трудность их добычи в пустынных районах, удаленных от городов на тысячи километров.

В нашем распоряжении был небольшой срок. В громадных пространствах Гоби надо было

выбрать какой-то определенный район. От удачного выбора зависело очень многое. Мы остановились на наименее исследованной и трудно достижимой области в западной части Южной Гоби. В этом районе были известны огромные впадины, и можно было ожидать, что размыты глубоко вскрыли здесь красноцветные гобийские породы с остатками ископаемых животных.

Мы обосновались в районном центре – аймаке Далан-Дзадагад, оставили здесь запасы горючего и продовольствия и на трех машинах отправились к северу от Дзадагада.

В СЕРДЦЕ ГОБИ

Нигде в мире не увидишь таких сочетаний ярких и чистых цветов, как в Гоби. Бесконечные просторы этой суровой и каменной полупустыни на первый взгляд кажутся суровыми и безотрадными, и, только привыкнув и приглядевшись, можно увидеть, как они красочны.

Чистота и прозрачность воздуха Монголии позволяет видеть очень далеко. В свете высокого дневного солнца дорога, уходящая вдаль, кажется ярко-синей лентой на серо-желтой поверхности степи. Огромные крутые скалы, поднимающиеся над равнинами, покрыты блестящей черной коркой пустынного загара. Солнечный свет дробится на зубцах, утесах, пиках и промоинах, отражается в их полированной поверхности, точно в тысячах черных зеркал, и над вершинами встает жемчужно-

серая дымка, ослабляющая сверканье солнца.

Наши машины проезжали мимо откосов, покрытых светло-серым, почти белым дересом – высокой жесткой травой, по сухим руслам временных потоков, заполненных ярко-оранжевыми песками с небесно-голубыми соляными оторочками по краям, по огромным котловинам, сплошь покрытым красной глиной без всякой растительности. В этих глинистых местах и автомобильная дорога становится вишнево-красной.

Иногда, как отдельные острова посреди котловины, встречаются гигантские песчаные барханы до ста пятидесяти метров в высоту. При ветре они начинают зловеще дымиться, а когда ветер усиливается, выбрасывают из своих вершин струи клубящегося песка.

В ранние часы утра высокие

барханы кажутся светло-зелеными и резко выделяются на черном фоне гор. Чем выше поднимается солнце, тем больше сереет песок и, наконец, принимает свинцовую окраску. Кое-где среди песчаного моря барханов выступают гребни базальтовых скал. Базальты, до блеска отполированные песком, поражают своим чистым лиловым цветом. Эти лиловые полосы среди желтых песков в ярком солнце – неожиданное и незабываемое зрелище.

Наши выносливые машины легко шли по трудным дорогам. Жаркие прозрачные дни сменялись холодными ночами. По утрам наш повар Никитин врывается в палатку с веселым криком: «Научная сила, кончай ночевать!» Затем слышался его возглас по адресу шоферов: «Эй вы, драконы, дзерены, чай пить!»

Дело в том, что каждая из трех машин экспедиции получила свое имя, и названия машин были нанесены черной краской по-русски и по-монгольски на бортах. Одну из машин называли «Драконом». Начальника экспедиции и шофера также стали звать драконами, к великому негодованию шофера. Одна из полуторатонков, которую вел шофер Пронин, отличавшийся своей осторожностью, была названа «Дзереном». Дзерены, небольшие антилопы, водящиеся в Гоби, чрезвычайно пугливы и осмотрительны. Другая полуторатонка получила имя «Смерч».

«Дракон», «Дзерен» и «Смерч» держали путь к Баин-Дзаку – огромной впадине, около пятидесяти километров в поперечнике, у северных склонов гобийского Алтая. Баин-Дзак – единственное во всем мире

место, где можно найти ископаемые яйца динозавров.

Мы подъехали к Баин-Дзаку вечером. Косые лучи солнца освещали красные пески обрывов, причудливо изрезанных промоинами. Издали стены обрыва были похожи на развалины старых башен и крепостных стен. Казалось, что за серо-пепельной дымкой, окружающей равнину, поднимается из пламени целый город. Когда мы подъехали ближе, фантастическое свечение прекратилось, перед нами были только крутые стены красновато-желтых плотных песков.

В верхних слоях обрыва залегает пласт, переполненный мелкими стяжениями песчаника, то есть твердого, цементированного песка. Эти-то стяжения и содержат в себе яйца динозавров и маленькие черепа крохотных млекопитающих того времени.

В первые же часы работы мы стали находить остатки яиц, довольно крупные куски скорлупы. Их оказалось много на поверхности размытых склонов. В песках на дне котловины нас поразила интереснейшая находка – остатки кремневых орудий и просверленные кусочки скорлупы. Было ясно, что осколки ископаемых яиц динозавров привлекали когда-то внимание первобытных людей, селившихся в этой местности. Из найденной в песках скорлупы эти люди делали ожерелья. Иногда такие своеобразные бусы попадались нам вместе с просверленными кусочками скорлупы от яиц страуса. Во времена первобытного человека в Монголии жили страусы.

Еще выше пласта цемента-

рованного песка находится пласт рыхлых желтых песков. В нем встречались целые гнезда яиц динозавров, до восемнадцати штук в гнезде. Эти яйца, отложенные 65 миллионов лет тому назад, лежат в том же положении, в каком были оставлены самками динозавров. После откладки самка засыпала гнездо слоем песка и предоставляла солнечным лучам довершить ее работу. Совершенно таким же способом откладывают яйца современные крокодилы на песчаных прибрежных местах.

Гнездо представляет собою ямку в песке, в которой по радиусу уложены продолговатые сероватозеленые яйца. Длина яиц – 15 сантиметров, ширина – 5-6 сантиметров. Довольно толстая и плотная скорлупа снаружи, как рисунком, покрыта сетью мельчайших бугорков. Внутри каждое яйцо сплошь заполнено глинистой породой. Очень редко в соседстве с такими гнездами удается находить остатки маленьких косточек вылупившихся и погибших динозавров.

Яйца эти принадлежат небольшому травоядному динозавру

– протоцератопсам, предкам страшных рогатых динозавров более позднего периода. Вечером у костра, за ужином, я посетовал на то, что нам не удалось найти ни одного целого яйца. Шофер Андросов («Дракон») заинтересовался разговором и утром с усердием устремился на поиски. Часа через два он принес мне целое яйцо, которое так и осталось лучшей находкой экспедиции.

В песках, лежащих ниже того слоя, где находились яйца, было много остатков самих динозавров: и полные скелеты, и отдельные кости. Нашли мы также остатки небольших хищных динозавров того времени. По-видимому, они питались яйцами. Об этом говорят их черепа с несколько притупленными зубами, удобными для дробления скорлупы.

Нами было установлено, что когда-то здесь находилось устье небольшой реки, впадавшей в озеро. Осадки озерных отложений были хорошо заметны. Здесь, на песчаных отмелях и дюнах, динозаврам было удобно выводить свое потомство.

«ВЕЛИКИЙ ЗАПАДНЫЙ МАРШРУТ»

Экспедиция доставила на базу свои драгоценные находки и после короткого отдыха выступила в «Великий западный маршрут». Нам следовало пройти по гладкой равнине, окружающей Далан-Дзадагад, перевалить ущелье, пересекающее хребет Гурбан-Сайхан, и идти на юго-запад, к склонам хребта Нэмэгэту. Здесь находились никем не посещаемые котловины, которые очень привлекали нас.

Снова потянулась дорога между горных кряжей и котловин, покрытых бугристыми песками, то пустынными, то поросшими сероголубыми корявыми стеблями саксаула. Местами нам встречались бесчисленные стада песчанок. Эти грызуны имеют обыкновение бежать перед машиной по дороге, и мелькание их юрких тельцов очень раздражает шоферов. Порой раздавался тонкий свист тарбаганов – огромных сурков. Иногда

на склонах гор мы находили черепа архаров – баранов с тяжелыми, закрученными в кольца рогами.

Автомобильный накат по горам и степи кончился, и машины пошли по неизвестному бездорожью. Мы медленно двигались по неровному, заваленному песком сухому руслу, вдоль отвесных черных стен угрюмого хребта и, наконец, выехали в широкую котловину. На северной окраине этой впадины возвышался зубчатый массив хребта Нэмэгэту, а у его подножия в палеовой дымке виднелись изрытые красные стены тех самых пород, к которым мы стремились.

Высохшие кочки, промоины и бугры было так трудно преодолеть, что только к середине следующего дня мы подъехали вплотную к красным породам. Эти рыхлые отложения легко размываются весенними водами и образуют запутанный лабиринт оврагов, русел, каньонов и ущелий. Ближе всех к нам стоял останец – отдельный высокий холм в виде усеченного конуса. Из его желтого склона, покрытого панцирем оплывшей глины, на высоте больше ста метров над нашими головами торчала крупная кость.

– Яс! Яс! Кость! – закричал проводник-монгол.

Мы гурьбой высыпали из машины и кинулись к ближайшим обрывам.

– Кости! Кости! Скорее сюда! – слышалось отовсюду.

Мы, трое палеонтологов, метались от одного места к другому, не обращая внимания на палящую жару. Уже завязался горячий спор о том, что именно мы нашли: огром-

ных древних млекопитающих или динозавров, когда профессор Громов притащил целый гигантский коготь хищного динозавра.

Было ясно, что мы напали на громадное кладбище. Бесконечные лабиринты ущелий уходили далеко на восток. Нужно было, не теряя времени, определить участки, наиболее богатые костями, провести туда машины, разгрузить их и стать лагерем.

Меня привлекала высокая гряда, тянувшаяся прямо на восток от того сухого русла, в котором мы остановились. Я направился туда один, проклиная непрерывные подъемы, спуски и песчаные скаты.

Вдалеке показался повар Никитин. Он был явно взволнован и отчаянно махал руками, призывая меня. Я знал, что наш повар всегда с энтузиазмом помогал разыскивать ископаемые кости, и поспешил к нему навстречу. Мы сошлись на вершине небольшого плато. Обливаясь потом, Никитин волок трехпудовый обломок берцовой кости зауропода – гигантского травоядного динозавра.

– Вот! Смотрите! А там, – он показал на обрыв вдалеке, – их целая куча лежит!

Пришлось объяснить этому восторженному любителю, что, когда случается найти целое скопление костей, оттуда ничего нельзя брать.

Бедняга Никитин безропотно потащил кость обратно и привел меня к широкому выступу над крутым обрывом. Здесь удача восхитила меня так же, как и повара; и мы с ним долго носились по обрывам вверх и вниз, издавая радост-

ные крики при виде новых и новых находок.

Следуя вниз по ущелью, я вышел в очень широкое сухое русло; и здесь мы сразу нашли четыре полных скелета хищных и травоядных динозавров. Огромные позвонки в полметра в поперечнике скатывались вниз по промоинам, когти и суставы гигантских лап валялись всюду. На выступах из плит песчаника возвышались груды огромных ребер, как кучи сухого валежника. В подмыве одного из выступов мы увидели торчавшую оттуда челюсть с черными пальчатыми зубами по 15 сантиметров длины.

Место для стоянки, несомненно, очень богатое, хотя и не совсем уютное, было найдено. Мы вернулись к машинам, но найти путь к этой котловине смогли, только сделав километров пятнадцать объезда. Здесь нам суждено было стоять целую неделю и рыться в земле с утра до ночи, не обращая внимания на страшные ветры с тучами песка. Злобные ветры эти порою казались нам проявлением гнева древних драконов, которых мы порядком потревожили в эти дни.

В поисках принимали участие все сотрудники экспедиции. Шофер Андросов, человек с удивительно острым зрением, был так окрылен своей удачей в Баин-Дзаке, что теперь это дело захватило его. Услышав, что, кроме всего найденного, хотелось бы найти какую-нибудь отдельную большую кость вроде бедра зауропода, он на следующий же день с рассветом исчез и предпринял самостоятельную экскурсию по склонам и вершинам хребта. К полудню

наш дракон появился и, разыскав меня на раскопке, с таинственным видом шепнул:

– Пойдем! Есть!

На отвесном обрыве, спадавшем в овраг, очень далеко от стоянки, лежало целое бедро зауропода, именно такое, какое нам хотелось найти. «Косточка» в четверть тонны весом была извлечена из породы с огромным трудом.

Эта находка осталась памятной для нас еще и потому, что, когда мы шли извлекать бедро зауропода, начальник раскопчного отряда Я.М. Эглон, шедший впереди, внезапно вскрикнул, споткнувшись, и полетел вниз головой по склону. Мы окаменели на секунду, а затем бросились к краю обрыва. Помню, как ясно я сознавал в тот момент, что, быть может, навсегда потерял прекрасного работника и доброго товарища по путешествиям. Однако оказалось, что Эглон каким-то чудом зацепился за выступ и остался цел и невредим, даже очки его не пострадали.

Усталые, но радостные покидали мы Нэмэгэту. Нами было найдено самое крупное местонахождение гигантских ящеров не только в Монголии, но и во всем Старом Свете.

Выбравшись из нашей котловины, мы направились дальше на запад, к Золотым горам – Алтан-Ула. Машины вязли в песках, не легче было и в степи, покрытой сухими кочками. Нас бросало и жестоко било. От тряски протекали радиаторы и расшатывались все крепления. Наконец мы выехали в огромный хоолай – предгорную равнину. Где-то посреди этой бесконечной равнины находилась

таинственная впадина Ширэгин-Гашун – самое низкое место в Гоби. Здесь в 1932 году наш географ Чудинов открыл кладбище динозавров.

При взгляде на равнину мы встревожились. Как пройдут по ней наши машины, тяжело нагруженные добычей с Нэмэгэту? Действительно, дорога была невероятно трудной. Поверхность равнины представляла собою хаос песчаных промоин и груды валунов. На первых же десяти километрах лопнула передняя рессора грузовика, корпуса машин страшно трещали на перекосах. К концу дня удалось пробиться на гребень длинной гряды холмов в центре равнины, и здесь машины пошли легче. Проводник наш повеселел. Мы остановились на ночлег, разложив гигантский костер, так как кругом было много саксаула. В начале следующего дня мы подъехали к впадине Ширэгин-Гашун.

Полнейшую безжизненность этой равнины не тревожило ни малейшее дуновение ветерка. Несмотря на осень, здесь стояла страшная жара.

В первый день нам не удалось найти ничего. Никаких признаков костей не было, и нас начали мучить жестокие сомнения. На следующий день, разгрузив одну из машин – «Дзерена», мы пересекли на нем впадину в нескольких направлениях. Путь лежал через убийственные для машин пухлые глины, и здесь

шофер «Дзерена» впервые запел, перефразируя слова известной песни: «Хороша страна Монголия...» Потом, как только дорога становилась трудной, он всегда заводил эту песню.

Наконец на самом дне котловины мы нашли кладбище огромных динозавров, но нам нельзя было долго задерживаться здесь. Важно было подтвердить открытие Чудинова и заметить ориентиры кладбища. Составив карту местности и поставив опознавательные знаки, мы двинулись обратно на восток.

Отъехав около двадцати километров от Ширэгина, мы попали в настоящее море песков. Более легкие полуторки кое-как пробились вдоль края сухого русла, а грузовик зарывался в песок по самую ступицу колес. Мы ходили на разведки к горам, но другого пути, как и доказывал проводник, не было. Мы изломали все доски, которые возили с собой, чтобы с их помощью машины могли проходить по пескам, и, наконец, пробились в такие места, где песчаные бугры стали реже. Здесь машины пошли быстрее, то есть смогли делать 12-15 километров в час. На закате мы увидели перед собой гигантские стодвадцатиметровые барханы песков Хонгорин-Элисун. Они не были страшны для нас. Мы объехали их стороной по степи, которая становилась все более каменистой, и к вечеру выбрались на автомобильную дорогу.

Наш «Дракон» ушел в Улан-Батор – столицу Монголии, куда понемногу мы начали вывозить свое имущество с базы, а мы на «Дзерене» и «Смерче» начали новое путешествие – на восток. Нам предстояло доехать до аймачного центра – Саип-Шанды, где была создана вторая временная база для работ в восточной части Гоби. До Саип-Шанды было около 800 километров, и достать проводника на такое далекое расстояние мы не смогли.

Поэтому в передовой машине непрерывно заседала «коллегия проводников» из Я.М. Эглона, меня и переводчика Лубсан-Данзана. Все мы были вооружены винтовками и по дороге охотились на дзерефов, снабжая экспедицию мясом, но в дороге были далеко не уверены.

Охота, кстати, тоже шла с переменным успехом, несмотря на хорошие винтовки и неплохие охотничьи способности членов экспедиции. Необыкновенно прозрачный воздух Гоби не давал возможности правильно оценивать расстояние. Дзерефы появлялись внезапно и стремительно исчезали, так что времени для тщательного прицела не было. Наши пули ложились в землю к великому конфузу и досаде стрелков. Потом дело пошло лучше, мы научились разбираться в расстоянии. Как-то я на расстоянии 300 метров убил крупную антилопу; были эффективные выстрелы и у других.

Однажды, въехав в какое-то ущелье, мы заметили на скале над нами трех дзерефов. Я успел

выстрелить, и большой козел свалился, как пораженный громом. Два других исчезли. Но как только мы сошли с машины, козел вскочил и скрылся за гребнем скалы. Мы взбежали на гребень: за ним тянулось открытое плоскогорье, и на нескольких километрах свободного пространства не было видно никаких следов убежавших животных. У нас не было времени искать их более тщательно, но тайна их исчезновения так и осталась неразгаданной. Впрочем, тайна эта объяснялась той поистине поразительной, неправдоподобной быстротой, с которой бегают дзерефы.

Несмотря на смелость, с которой мы взяли на себя обязанности проводников, незнание дороги сильно нас смущало. Выручила старая линия телеграфных столбов; вдоль нее мы и повели свои машины.

Как-то ночью мы остановились на ночлег в ущелье у самых столбов. Около нашей палатки лежал поваленный столб, висевший одним концом на железной проволоке. С наступлением вечера столб начал тихонько завывать, а к ночи заревел громче. Наконец рев стал совершенно несносным, в палатке больше нельзя было разговаривать: мы не слышали друг друга. Один из нас не вытерпел и обрубил проволоку. Столб мгновенно умолк. Собранный по этому случаю ученый совет принял следующее объяснение: на этом участке линий сохранилась проволока, с закатом солнца где-то далеко поднялся ветер, и так как про-

волока возле палатки была сильно натянута поваленным столбом, то получилось нечто вроде гигантской басовой струны. В дневниках экспедиции эта ночевка так и называлась – «Лагерь ревущего столба».

Примерно километров за двести от цели нам попала настоящая автомобильная дорога, и мы резко отклонились по ней влево, покинув наши путеводные столбы. Решились мы на такой поступок не без колебаний. Однако дорога оказалась верной, и мы благополучно прибыли по ней в Саин-Шанду, а оттуда сделали большой поход на юго-запад.

В местонахождении Баин-Шира, что в переводе значит Богатый Стол, мы разыскали полный скелет огромного рогатого динозавра-трицератопса. Нам не удалось вынуть его из породы, в которой он был как бы зацементирован. Наступили морозы, и экспедиция не могла дольше задерживаться в Гоби. Мне было очень досадно не воспользоваться такой замечательной находкой, и я долго и горячо

убеждал товарищей начать выемку скелета, чего бы это ни стоило, но был принужден согласиться с их разумными доводами.

Мы залили скелет гипсом, засыпали землей и оставили для будущих раскопок. Вокруг него поставили опознавательные ориентиры, или «обо». Это были пирамиды из камней, под которыми в жестянках из-под витаминов лежали написанные по-русски и по-монгольски сообщения о находке и просьбы к тем, кто попадет в эти места, не трогать скелет.

Еще одно огромное местонахождение было изучено нами в горах Харахутул (Черный перевал). Здесь мы нашли огромный череп динозавра. В этом маршруте нам часто попадались скопления гигантских окаменелых стволов хвойных деревьев. В одном месте длинная гряда холмов была усеяна огромными черными бревнами до 15 метров в длину и в 1,5 метра в поперечнике. 2 ноября при сильном морозе мы вернулись на базу, а 4-го ночью были уже в Улан-Баторе, окончив полевые исследования.

ДОМОЙ

В столице Монгольской Народной Республики мы провели еще месяц. Свои лучшие находки экспедиция преподнесла премьер-министру республики – маршалу Чойбалсану. В порядке культурной помощи монгольскому народу члены нашей экспедиции много поработали над организацией при Государственном музее Монголии палеонтологического отдела.

Уезжая в родную Москву, мы твердо знали, что выполнили данное нам задание. Экспедиция подтвердила огромное научное значение монгольских местонахождений.

В последующие годы нашим ученым предстоит огромная работа по раскопкам. Извлечение каждого целого скелета гигантских ящеров в 100 тонн весом – трудное и сложное предприятие,

требующее множества рабочих рук, оборудования, лесоматериалов и транспорта. Помимо раскопок, необходимо продолжать поиски новых местонахождений. Особенный интерес представляют поиски костей древнего человека. Не исключена возможность, что территория Монголии является

родиной предков современных людей.

Нужна еще упорная длительная работа, чтобы научные ценности Монголии не остались лежать в земле, чтобы они заговорили для человечества, обогатили музеи редчайшим экспонатами, двинули вперед научную мысль.